

**Unlawful enrichment criminalization:
abstract model of crime elements**

Abstract: Unlawful enrichment is a type of corruption, Current Russian criminal law criminalizes several dozens of corruption-related crimes, but it does not provide responsibility for unlawful enrichment itself. Some European countries that ratified 2003 United Nations Convention against Corruption applied its art. 20 as model of relevant elements of a crime.

Critical analysis of the article proves that conventional regulation within has significant drawbacks that prevent its introduction into the Criminal Code of the Russian Federation. Negative trends in unlawful enrichment dynamics proves ineffectiveness of disciplinary and civil responsibility provided by Russian law. Therefore introduction of criminal responsibility for unlawful enrichment would not discord with the principle of enforcement action sufficiency.

The article studies abstract model of elements of unlawful enrichment. The author concludes that unlawful enrichment is result of using civil instruments in order to make property possession, utilization and disposition seem legal. These actions constitute property legalization and represent unlawful enrichment of a civil official who tries to tie obtained property to himself or his relatives and gain certain profit.

Unlawful enrichment criminalization needs to be realized both procedurally and criminologically, i.e. it needs to be investigated with legal means. This possibility realization is provided by Federal law № 230-FZ on control over adequacy between expenditures and income of state officials dated 03.12.2012.

Keywords: corruption-related crime; unlawful enrichment; unlawful enrichment criminalization; principles of unlawful enrichment criminalization; unlawful enrichment legalization; abstract model of elements of crime.

Одно из проявлений коррупции - незаконное обогащение [10; 13; 14; 17; 21]. В общественном мнении преобладает позиция о том, что чиновники повсеместно живут не по средствам и что бороться с незаконным получением имущественной выгоды благодаря служебному положению нужно самыми строгими мерами. В российском законодательстве в настоящий момент используются разные формы борьбы с коррупцией. Только в Уголовном кодексе России преступления коррупционной направленности предусмотрены в

♦ **Burlakov Vladimir N.** - Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Criminal Law, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation. E-mail: Burlakov.V@jurfak.spb.ru.

46 составах, но самостоятельная ответственность за незаконное обогащение в нем отсутствует [3]. В некоторых европейских странах такая ответственность закреплена либо в национальном уголовном законодательстве, либо в законодательстве о налогах, трудовых отношениях и государственной службе [9; 15; 16; 18; 20].

Стимулом для конструирования самостоятельного состава незаконного обогащения стала Конвенция ООН против коррупции. Согласно ст. 20 этой Конвенции «при условии соблюдения своей Конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать» [4].

Прежде чем говорить о составе незаконного обогащения, обратимся к вопросу криминологической обоснованности уголовной ответственности за такое деяние. В доктрине давно разработаны принципы криминализации общественно опасного поведения [6]. Отвечает ли незаконное обогащение этим принципам? Полагаем, что отвечает в полной мере. Во-первых, незаконное обогащение воспринимается гражданами как общественно опасное и распространенное явление. На общественную опасность коррупции, а значит, и незаконного обогащения как одного из ее проявлений указано во многих международных документах. Так, в резолюции «Борьба с коррупцией», принятой на 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, выражена обеспокоенность серьезностью порождаемых коррупцией проблем и угроз для стабильности и безопасности общества, что подрывает демократические институты, этические ценности и принцип справедливости и наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку. В ней содержится вывод, что коррупция уже не представляет собой локальную проблему, она превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран [8]. Аналогичный вывод сформулирован в Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию: «Коррупция угрожает верховенству закона, демократии и правам человека, подрывает принципы надлежащего государственного управления, равенства и социальной справедливости, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие и угрожает стабильности демократических институтов и моральным устоям общества» [5].

О распространенности незаконного обогащения можно судить по степени восприятия коррупции обществом. Изучением масштаба коррупции в мире, как известно, занимается организация «Международное движение по противодействию коррупции Transparency International». По ее данным, Россия относится к числу неблагополучных стран по масштабу коррупции. В 2014 г. она заняла 136-е место (из 175) в рейтинге индекса восприятия коррупции [2].

Во-вторых, криминализация незаконного обогащения станет целесообразным актом власти, так как положительных последствий будет значительно больше, чем отрицательных. Отрицательные последствия выразятся главным образом в понижении уровня материального благосостояния определенной части чиновничества, но они являются условно отрицательными, потому что социального значения не имеют. Положительных последствий криминализации намного больше. Профессор Б.В. Волженкин писал, что они выражались бы во вкладе по преодолению многих негативных экономических, политических и социальных последствий коррупции [1], например: устранение нарушения конкурентных механизмов рынка и дискредитации идей рыночной экономики; преодоление неэффективного использования бюджетных средств при распределении государственных заказов и кредитов; снижение цен за счет коррупционных накладных расходов; восстановление доверия населения к власти, снижение степени ее отчуждения от общества; укрепление престижа страны и устранение ее экономической и политической изоляции; преодоление имущественного неравенства, поскольку коррупция приводит к несправедливому перераспределению средств в пользу узких олигархических групп; удар по организованной преступности, для которой характерно сращивание ее с коррумпированным государственным аппаратом, в том числе с правоохранительными органами.

В-третьих, введение уголовной ответственности за незаконное обогащение не противоречит Конституции РФ, действующему праву и международным соглашениям РФ, а также нормам нравственности. Все сказанное о социальной опасности и распространенности незаконного обогащения подтверждает этот вывод.

В-четвертых, криминализация незаконного обогащения должна быть осуществима в процессуальном и криминалистическом аспектах, т.е. такое деяние нужно расследовать и раскрывать законными средствами. Механизм реализации такой возможности, конкретизирующий полномочия органов, нацеленных на установление и раскрытие факта незаконного обогащения, предусмотрен в специальном Федеральном законе от 3 декабря 2012 г. № 230-

ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [11].

И наконец, в-пятых, негативный тренд в динамике незаконного обогащения доказывает неэффективность применяемых в отношении таких деяний мер дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности. Поэтому введение уголовной ответственности за незаконное обогащение не противоречит принципу достаточности мер принуждения.

Итак, с позиции принципов криминализации общественно опасного поведения введение уголовной ответственности за незаконное обогащение представляется обоснованным. Что же мешает в настоящий момент принятию положительного решения? Рассмотрим этот вопрос подробнее.

При ратификации вышеназванной Конвенции было подчеркнуто, что Российская Федерация обладает юрисдикцией в отношении тех деяний, которые признаны преступными согласно ст. 15, п. 1 ст. 16, ст. 17–9, 21 и 22, п. 1 ст. 23, ст. 24, 25 и 27 Конвенции. Среди перечисленных статей не называется ст. 20, что для некоторых специалистов послужило поводом утверждать, что эту статью Российская Федерация не ратифицировала. Данное утверждение в юридическом смысле несостоятельно по следующим причинам. Об этом прямо не говорится в самом федеральном законе о ратификации Конвенции, а в тексте Конвенции предусмотрена не обязанность государства-подписанта включить в национальное законодательство ст. 20, а лишь возможность принятия решения о наказуемости незаконного обогащения «при условии соблюдения своей Конституции и основополагающих принципов своей правовой системы» [4].

Очевидно, что реализация такой возможности зависит, с одной стороны, от самой конвенционной нормы и, с другой стороны, от действующего национального уголовного законодательства. Если обратиться к формулировке ст. 20 Конвенции, то станут очевидны ее недостатки при описании криминализируемого поведения, в силу которых эта статья в действующей редакции не может быть включена в УК РФ. Во-первых, в ней не содержится объективная характеристика самого преступления и лишь указано, что это умышленное деяние, состоящее в «значительном увеличении активов публичного должностного лица, превышающем его законные доходы». То есть деяние трактуется исходя из последствия - превышения фактических активов над законными доходами. Но вследствие каких действий (или бездействия) образовалось такое превышение, осталось за рамками этой статьи. Исходя из систематического толкования ст. 20 Конвенции, придем к выводу, что к деянию можно отнести любые действия, кроме тех, которые предусмотрены

Конвенцией в других статьях гл. 3 «Криминализация и правоохранительная деятельность», а именно кроме подкупа, хищения имущества, неправомерного присвоения или нецелевого использования имущества, корыстного злоупотребления, отмыывания доходов от преступлений, сокрытия или непрерывного удержания имущества. Но тогда встает естественный вопрос: и что же это за действия, может быть, находка или что-то в этом роде? В итоге получается, что в ст. 20 Конвенции говорится об ответственности за преступление без указания на деяние, которым оно учиняется.

Во-вторых, формулировка статьи в части, затрагивающей незаконность обогащения, отличается очевидной нерелевантностью, так как незаконность вытекает не из нарушения правового запрета, а из отсутствия у должностного лица возможности разумным образом обосновать превышение фактических активов над законными доходами.

В научной литературе высказана позиция, согласно которой введение уголовной ответственности за незаконное обогащение в Российской Федерации было бы избыточным, поскольку закрепленная в ст. 20 Конвенции идея о введении ответственности за незаконное обогащение уже реализуется, но путем использования иных правовых средств [9]. Определенный вклад в совершенствование таких средств внес Федеральный закон № 230. Какие дополнительные меры противодействия незаконному обогащению предусмотрены в нем? Во-первых, дисциплинарная ответственность путем освобождения должностного лица от замещаемой (занимаемой) должности, увольнения с государственной или муниципальной службы или работы в организациях, определенных нормативным актом. Во-вторых, обращение в доход государства (своеобразная конфискация) в гражданско-правовом порядке материальных объектов незаконного обогащения на основании представления органов прокуратуры. И, в-третьих, возможность уголовно-процессуального реагирования прокуратуры и иных правоохранительных органов на поступившую к ним информацию о незаконном обогащении конкретного лица. С учетом того что на практике вторая и третья меры не были востребованы в течение 2013–2014 гг. [12], можно прийти к выводу, что Федеральный закон № 230 действует не в полной мере, а одна лишь дисциплинарная ответственность не способна эффективно противодействовать незаконному обогащению. Поэтому справедливы слова профессора В.В. Лунеева о том, что, несмотря на то что «были приняты законы о контроле за доходами и расходами чиновников и их возможной «свойской» служебной (не уголовной) ответственности... реальных изменений не было» [7] и нет по сей день [10].

Конечно, с помощью увольнения со службы нечистых на руку чиновников происходит чистка отдельных звеньев государственного аппарата. Но поскольку увольнение не является лишением права занимать определенные должности, ибо оно не имеет той необратимости, которая присуща уголовному наказанию, то и не может повлиять на корневую систему коррупции. С введением уголовной ответственности за незаконное обогащение можно разрушить по крайней мере субъективную составляющую ее корневой системы. Вопрос состоит лишь в том, каким быть соответствующему составу преступления.

Необходимость в самостоятельном составе незаконного обогащения обозначил и законодатель. Так, в 2011 г. в Государственную Думу был внесен законопроект, направленный на борьбу со взяточничеством. Авторы законопроекта, депутаты Государственной Думы от КПРФ, предложили дополнить Уголовный кодекс РФ новой статьей - ст. 290.1 «Незаконное обогащение». Под незаконным обогащением предлагается понимать приобретение должностным лицом имущества, стоимость которого значительно (не менее чем на 500 тыс. р.) превосходит его законные доходы и происхождение которого он не может объяснить разумным образом. За совершение этого преступления предусматривается санкция в виде лишения свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества, приобретенного в результате незаконного обогащения. Санкция усиливается, если деяние совершено в крупном или особо крупном размере, до десяти лет лишения свободы с конфискацией имущества, приобретенного в результате незаконного обогащения.

В этом законопроекте признаки состава незаконного обогащения изложены лучше, чем в ст. 20 Конвенции. Деяние в нем сформулировано как приобретение имущества. На первый взгляд, указание на деяние в форме приобретения имущества разумно, так как приобретение трактуется в праве как возмездное или безвозмездное получение одним лицом от другого лица какого-либо имущества для пользования им как своим. Но, как известно, проблемы кроются в деталях.

Во-первых, неясно, на каком основании приобретение предметов, материализующих незаконное обогащение должностного лица, считается противоправным, а значит, и общественно опасным. В уголовном праве одно из таких оснований состоит в запрещенности нормативным правовым актом оборота соответствующего предмета приобретения, например предметов, изъятых или ограниченных в гражданском обороте, как то: оружие, наркотики,

драгоценные металлы, природные драгоценные камни либо жемчуг и даже незаконно заготовленная древесина. Это основание не подходит для предметов незаконного обогащения. Другое основание незаконности выражается в способе приобретения, исключающем возникновение права собственности (допустим, приобретение имущества путем хищения или получение его в качестве взятки). Но и это основание не подходит, так как незаконное обогащение в данном законопроекте рассматривается как самостоятельное деяние, не связанное с преступным приобретением имущества (предикатное преступление).

Как же все-таки трактуется незаконность приобретения имущества в законопроекте? Из факта происхождения имущества, которое лицо не может объяснить разумным образом. Но ведь такое основание неприемлемо в уголовном праве в силу своей неопределенности. Законодатель в подобном случае использует более точные термины, например как в ст. 175 УК РФ: приобретение или сбыт имущества, *заведомо добытого преступным путем*.

Во-вторых, трактовка незаконного обогащения как приобретения имущества, на наш взгляд, все-таки неудачна, поскольку нивелирует подлинную суть общественной опасности таких действий. Действительно, возникает вопрос: охватывает ли приобретение имущества в подобных случаях все мыслимые действия? Например, можно ли отнести к приобретению имущества принятие взятки, извлечение прибыли от незаконного участия в предпринимательской деятельности, присвоение вверенного имущества? Какой состав (или составы) в таком случае нужно вменять, не нарушая при этом принцип справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ)? Думается, что перечисленные вопросы ставят под сомнение корректность использования термина «приобретение» в составе незаконного обогащения, потому что он не вполне выражает фактическую сторону и субъективную направленность совершаемых лицом действий. В данном случае незаконное обогащение происходит путем придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом, стоимость которого превышает законные доходы, с использованием гражданско-правовых инструментов, чаще всего путем сделок. Именно на это направлены действия должностного лица, которое, получив какое-либо имущество путем использования служебного положения, затем стремится закрепить его за собой или за своими родственниками и извлечь имущественную выгоду.

Еще раз подчеркнем, что формулировка деяния в составе незаконного обогащения не должна допускать трактовку этого деяния как совокупности действий, направленных на приобретение имущества и на незаконное

обогащение за счет этого имущества. Приобретение имущества может содержать признаки предикатного преступления и поэтому всегда должно квалифицироваться самостоятельно. Действия, направленные на незаконное обогащение, нацелены на придание полученному имуществу законного вида владения, и именно они должны составлять суть деяния в составе незаконного обогащения. Такие действия точнее именовать легализацией имущества.

Какой же представляется теоретическая модель уголовно-правовой нормы о незаконном обогащении? Мы полагаем, что в качестве прототипа нужно воспользоваться конструкцией состава преступления, предусмотренного ст. 1741 УК РФ. Но так как в нашем случае речь идет о специальной норме по легализации имущества, то в ней необходимо конкретизировать: особенности предмета легализации незаконного обогащения; способы совершения легализации незаконного обогащения; особенности специального субъекта такого преступления.

Считаем, что диспозиция этой нормы должна быть бланкетной. Для уяснения объективных и субъективных признаков состава потребуется обратиться к Федеральному закону от 3 декабря 2012 г. № 230. В частности, признак незаконности обогащения будет произведен от факта совершения правонарушения, выраженного в невыполнении лицом обязанности представлять сведения о своих расходах, о расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей при совершении сделок с имуществом, а также об источниках получения средств, за счет которых совершена сделка (ст. 16 ФЗ).

Предмет незаконного обогащения будет составлять следующее имущество: земельный участок, другой объект недвижимости, транспортные средства, ценные бумаги, акции, доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций (ст. 3 ФЗ). Такое имущество можно назвать нетрудовым доходом должностного лица, т.е. доходом, полученным сверх денежного вознаграждения, выплачиваемого за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта РФ, бюджета муниципального образования, а также от других видов деятельности, не запрещенных законом.

Немаловажен и вопрос, как сформулировать в моделируемом составе размер незаконного обогащения в количественном и качественном смысле. В вышеупомянутом законопроекте предлагалось считать такой признак конститутивным в размере стоимости имущества, которая превосходит законные доходы должностного лица не менее чем на 500 тыс. р. В Федеральном законе от 3 декабря 2012 г. он также считается обязательным, но в ином размере. Этот размер должен превышать общий доход должностного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих

незаконному обогащению (ст. 3 ФЗ). В то же время согласно ст. 1741 УК РФ размер легализуемого имущества не имеет конститутивного значения и рассматривается как квалифицирующий признак состава. Какой из этих вариантов конкретизации размера незаконного обогащения будет предпочтительным для моделируемой нормы? Думается, что тот, который предусмотрен в Федеральном законе от 3 декабря 2012 г., т.е. размер незаконного обогащения должен быть конститутивным признаком состава.

При формулировке объективной стороны состава незаконного обогащения необходимо указать и на способ совершения этого преступления. Согласно Федеральному закону от 3 декабря 2012 г. к нему относится совершение сделки по приобретению какого-либо имущества, стоимость которого превышает общие доходы должностного лица и его супруги (супруга). Думается, что одними сделками не исчерпывается способ придания этому имуществу законного вида владения, пользования или распоряжения. По аналогии со ст. 1741 УК РФ к способу совершения данного преступления можно отнести и финансовые операции.

В моделируемом составе может быть и квалифицирующий признак, относящийся к размеру незаконного обогащения, например крупный (особо крупный) размер незаконного обогащения. Если руководствоваться шагом повышения общественной опасности преступления, который реализован в ст. 1741 УК РФ, то в моделируемом составе квалифицирующий признак должен составлять сумму сделки (финансовой операции), не менее чем в 10 раз превышающую общий доход должностного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих совершению сделки (финансовой операции).

Важным элементом уголовно-правовой нормы является ее санкция. В вышеуказанном законопроекте об ответственности за незаконное обогащение предлагается санкция, предусматривающая два вида наказания: до пяти лет лишения свободы, а при совершении этого преступления в крупном или особо крупном размере - до десяти лет лишения свободы и конфискация имущества, приобретенного в результате незаконного обогащения. Вряд ли такая санкция является криминологически обоснованной. Столь строгое наказание не соответствует степени общественной опасности незаконного обогащения, которая сопоставима с легализацией имущества, приобретенного преступным путем (ст. 1741 УК РФ), но за совершение которой предусмотрено более мягкое наказание. Поэтому будет обоснованным сходство санкций за совершение таких преступлений. Бóльшая строгость наказания возможна в случае

установления в процессе расследования незаконного обогащения признаков состава предикатного преступления и назначения наказания по совокупности двух преступлений.

С учетом вышеизложенного можно предложить следующую модель состава преступления.

Легализация (отмывание) незаконного обогащения, приобретенного должностным лицом:

Совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, стоимость которых превышает общий доход должностного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих совершению финансовых операций и других сделок, наказывается...

То же деяние, совершенное в крупном или особо крупном размере, наказывается...

Примечание. Крупным (особо крупным) размером в настоящей статье признается...

Важно решить, в какой главе Уголовного кодекса должна находиться данная статья. Исходя из специфики общественных отношений, которые нарушаются вследствие незаконного обогащения должностных лиц, такая статья (под номером 2901) должна быть дополнена в гл. 30 УК РФ.

Превентивные возможности введения уголовной ответственности за незаконное обогащение напрямую зависят от судьбы имущества, образующего предмет незаконного обогащения. Оно должно подлежать конфискации в соответствии со ст. 1041 УК РФ. Для этого п. «а» ч. 1 этой статьи нужно дополнить включением в него предлагаемого состава преступления.

Может возникнуть вопрос о судьбе денег и иных ценностей, которые обнаруживаются у виновного в легализации незаконного обогащения, но которые не стали предметом этого преступления (т.е. хранились в так называемой кубышке). Этот вопрос может быть решен в рамках Федерального закона от 3 декабря 2012 г. То есть если размер этих средств превышает общий доход должностного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих совершению данного преступления, то по решению суда они обращаются в доход Российской Федерации в порядке, предусмотренном ст. 17.

Bibliography

1. Volzhenkin B.V. Corruption-related crime. In V.N. Burlakov, N.M. Kropachev (eds). *Kriminologiya* [Criminology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2005, p.p. 324–357. (In Russian).
2. 2014 Corruption Perception Index: Honest development at threat. Available at: http://www.transparency.org.ru/component/docman/doc_download/604--2014---transparency-international---pdf. (In Russian).
3. Kim E.P., Bykov A.V. Conflict of interests at service as base of corruption-related crime (criminological aspect). *Rossiiskii sledovatel'* = Russian Investigator, 2013, no. 2, p.p. 33–38. (In Russian).
4. *Konventsiya Organizatsii Ob"edinennykh Natsii protiv korrupsitsii* [United Nations Convention against Corruption]. New York, 2004. 62 p.
5. *Konventsiya Soveta Evropy i Rossiiskoi Federatsii* [Convention of Council of Europe and the Russian Federation]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 2000. 290 p.
6. Kudryavtsev V.N. Criminal policy and legislation. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Russian criminal law. General Part]. Moscow, Yurist Publ., 2003, pp. 28–46. (In Russian).
7. Luneev V.V. *Istoki i poroki rossiiskogo ugolovnogo zakonotvorchestva* [Origins and vices of Russian criminal legislation]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 320 p.
8. Luneev V.V. Corruption: political, economical, organizational and legal issues. *Chistye ruki* = Clean hands, 1999, no. 2, p.p. 95–104. (In Russian).
9. Mikhailov V. United Nations Convention against Corruption Art. 20 on responsibility for unlawful enrichment and its possible reflection in legal system of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo* = Criminal law, 2012, no. 2, pp. 113–119. (In Russian).
10. Naumov Yu.G. *Ponyatie prestuplenii, svyazannykh s primeneniem nasiliya i voprosy kvalifikatsii*. Avtoref. Dokt. Diss. [Theory and methodology on institutional corruption counteraction. Diss. Doct. Thesis]. Moscow, 2013. 25 p.
11. Federal law № 230-FZ on control over adequacy between expenditures and income of state officials dated 03.12.2012. *Rossiiskaya gazeta* = Russian newspaper, 2012, 5 Dec. (In Russian).
12. Review on court practice of laws on civil officials disciplinary responsibility for corruption-related offences application. *Rossiiskaya gazeta* = Russian newspaper, 2015, 19 Jan. (In Russian).
13. Mal'ko A.V. (ed.). *Proekt kontseptsii antikorrupsionnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii* [Draft concept of anti-corruption policy in the Russian Federation]. Saratov, Saratov State Academy of Law Publ., 2007. 42 p.

14. Shishkarev S.N. Pravovoi poryadok v sfere protivodeistviya korruptsii: teoretiko-pravovoe issledovanie. Avtoref. Dokt. Diss. [Legal order in corruption counteraction: theoretical and legal research. Diss. Doct. Thesis]. Moscow, 2010. 26p.
15. Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice / J. Albanese. 3rd ed. Apocalypse Publ., Co, 1990. 310 p.
16. Fishbein D. Biobehavioral Perspectives in Criminology / D. Fishbein. Wadsworth, 2001. 250 p.
17. Garland D. The Culture of High Crime Societies. Some Preconditions of Recent «Law and Order» Policies / D. Garland // The British Journal of Criminology. 2000. Vol. 40, iss. 3. P. 347-375.
18. International Perspectives on Violence / eds by L. Adler, F. Denmark. Westport (CT): Praeger, 2004. 195 p.
19. Lab S. Personal Opinion: Alice in Crime Prevention Land (With Apologies to Lewis Carrol) / S. Lab // Security Journal. 1999. Vol. 12, iss. 3. P. 67-68.
20. Milovanovic D. Postmodern Criminology / D. Milovanovic. N.Y., L.: Garland Publ., Inc., 1997. 280 p.
21. Routledge Handbook of International Criminology / eds by C. Smith, S. Zhang, R. Barberet. Routledge, 2011. 300 p.